

Асия Ковтун

Университет им. Витаваса Великого

Центр славистики им. Чеслава Милоша

Laisvės al. 53–205, 44240 Kaunas, Lietuva

E-mail: Asija_Kovtun@fc.vdu.lt

ЧЕСЛАВ МИЛОШ О РАЗУМЕ В ЭССЕ «ПРИДОРЖНАЯ СОБАЧОНКА»*

В статье рассматривается с постструктуралистской позиции деантропологизации и децентрации субъекта концепт разум в эссе нобелевского лауреата Чеслава Милоша «Придворная собачонка» (1998). Как стратегия исследования применяется деконструкция текста. Чеслав Милош принимает мысль Ф. Ницше о метафоричности истины, невозможности осознать ее разумом и индивидуально. Однако он не признает нигилизма, причисляет его к сфере массовой культуры. Размышляя о разуме, Чеслав Милош высказывает несколько, иногда взаимоисключающих, точек зрения. Он отказывается от иллюзий понимания роли и значения разума в современном мире.

Вместе с тем Чеслав Милош признает, что человек XX века еще зависит от идеи превосходства разума над другими способами познания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деконструкция, децентрация, разум, субъект, нигилизм, концепт, сознание, мысль.

Паскаль заметил: «Центр мира везде, а граница – нигде». Эта мысль применима к разным областям современности, в том числе – к человеку. Общим местом постнеклассической философии стала идея нового облика человека, новой антропологической реальности без постоянного сущностного центра. Возникает необходимость новых подходов к человеку, мыследеятельности, направленной на осознание современного человека в современном мире. Метафоричен ли Мишель Фуко или его мысль о человеке следует принять непосредственно, когда он в известном труде «Слова и вещи» пишет:

В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека... Всем тем, кто еще хочет говорить о человеке, о его царстве и освобождении, всем тем, кто еще

ставит вопросы о том, что такое человек в его сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины и, наоборот, всем тем, кто сводит всякое познание к истинам человека... кто вообще не желает мыслить без мысли о том, что мыслит именно человек – всем этим несурзностям и нелепым формам рефлексии можно противопоставить лишь философический смех, то есть, иначе говоря, безмолвный смех¹.

Нобелевский лауреат Чеслав Милош не обошел вниманием один из важнейших и сложнейших вопросов XX века – вопрос о человеке. Для него важны интегративные черты, позволяющие представить человечество как единое целое, и самые разные аспекты отдельного человеческого существования. Принимает ли он антропологические проекты постмодернизма? Как

* Статья написана при поддержке Литовского государственного фонда науки и образования (Lietuvos valstybinis mokslo ir studijų fondas).

¹ ФУКО, М. *Слова и вещи*. Москва, 1994, с. 363.

Милош относится к идеологии деантропологизации и элиминации субъекта? Действительно ли современный мир дигитален, есть чистая форма, не оскверненная материей и не пахнущая человеком? Чеслав Милош указывает, что свою книгу «Придорожная собачонка» (1998, на рус. 2002 г.)² он писал на протяжении многих лет. Книга стала событием в литературной жизни Польши и чуть позднее получила престижную литературную премию «Nike-98». Под неожиданным для содержания книги названием объединены эссе, стихи, отрывки, маргиналии, мысли о жизни и творчестве, теологические мини-трактаты, сюжеты не созданных произведений. Автор, по собственному признанию, «всегда тосковал по форме наиболее емкой, которая не была бы слишком поэзией и слишком прозой». Миниатюры, вошедшие в сборник, похожи на мысли вслух или дневниковые заметки, иногда они близки к эссе или развернутым афоризмам, часть их можно определить как рассказ и притчу. Вместе с тем, очевидно, что в основе эссе лежит характерная для Милоша рефлексия, философичность. Эти качества характерны для важнейших эссеистических книг Чеслава Милоша – «Порабощенный разум» („Zniewolony umysł”, 1951–1952), сборник эссе, посвященных американской цивилизации – «Видения на берегах залива Сан-Франциско» („Widzenia nad zatoką San Francisco”, 1969), сборник эссе «Начиная с моих улиц» (“Beginning With My Streets”, 1992). По сути, все произведения писателя составляют единый текст об эпохе. Она становится и главной темой, и фоном, и героем, и антигероем. Примечательно, что

вопрос о разуме занимает Чеслава Милоша уже в раннем творчестве. Трактат «Порабощенный разум» он пишет, будучи автором трех поэтических сборников. Книга сразу же была переведена с польского на основные европейские языки и активно обсуждалась в послевоенной Европе. Это – книга об интеллектуальном сознании. В форме трактата-памфлета Милош исследует разум «изнутри» системы, оценивает, насколько интеллект способен осознать свободу. Именно здесь Чеслав Милош использует мусульманский термин «кетман», который становится концептом при определении некоторых аспектов интеллектуального сознания XX века. Суть феномена – публичное отречение от своих прежних убеждений в сочетании с внутренним протестом: «Кетман заключается... в реализации себя вопреки чему-нибудь. Тот, кто практикует кетман, страдает из-за препятствия, на которое наталкивается, но если бы препятствие вдруг было убрано, он оказался бы в пустоте, может быть, кто знает, еще более неприятной. Внутренний бунт зачастую нужен для здоровья и бывает особой разновидностью счастья»³. Милош рассуждает, что при определенных условиях человек не способен замечать происходящих с разумом трансформаций. Человек со времен Просвещения привык полагаться на свободный разум и перестает замечать его порабощающую силу. «Никогда еще до сих пор не было такого рабства, созданного сознанием, как в двадцатом веке. Еще мое поколение учили в школе, что разум служит для достижения свободы», – размышляет Милош⁴.

² МИЛОШ, Ч. *Придорожная собачонка*. Москва, 2002. Текст книги цитируется в статье с указанием страницы.

³ МИЛОШ, Ч. *Порабощенный разум*. Пер. с польск. яз. В. Британишского. Санкт-Петербург, 2003, с. 126.

⁴ МИЛОШ, сноска 3.

Попытаемся ответить, какой взгляд исповедует Чеслав Милош на вопрос о разуме в «Придормной собачонке», прибегнув к деконструкции анализируемого текста. Деконструкция как стратегия изучения текста используется нами с опорой на идеи ее основателя Жака Деррида. В качестве исходной интенции нами принимается письменная ориентация деконструкции. С этой позиции письменность является способом смыслоозначения. Примем основное положение идеи деконструкции о том, что в рефлекслируемое отношение мира и разума включается письмо, язык, они выступают как прозрачное средство, фиксирующее результаты деятельности разума. Вместе с тем важно замечание, что задача деконструкции – показать возможность постоянного деконструирования созданного и уже апробированного содержания⁵. Для нашего контекста важно, что деконструкция не претендует на создание единственного значения, корреляции бытийной истины. Сама природа постструктурализма с его тяготением к «метафорической эссеистике» представляет собой пример отказа от претензий на конечный ответ. Она ориентируется на множественность, плюрализм смыслов, на многоголосие текста. Деконструктивное чтение текстов Чеслава Милоша предполагает высвобождение множества смысловых оттенков и значений. Они объясняют, корректируют, даже трансформируют уже существующие представления. Осознавая чрезвычайную ответственность перед текстом Чеслава Милоша, основным условием работы мы видим максимальное собственное устранение и возможность само-

деконструкции текста через письмо. Этой установкой объясняется постоянное цитирование текста книги.

Следует упомянуть, что отношение Чеслава Милоша к теоретическим изыскам иронично и осторожно. Он пишет о своем друге Иосифе Бродском:

Есть принципы, которые надо соблюдать. Поэт предаёт свое призвание (Надежда Мандельштам рассказывает о таких поэтах в своих мемуарах), когда он позволяет себя соблазнить или сам становится соблазнителем. Современность угрожает ему шумом теорий, интеллектуальных мод, эмоциональных лозунгов, новинок, превращающихся в клише. Позволяя себе относиться к этому шуму слишком серьезно, поэт забывает, что сам он только часть многотысячелетней традиции⁶.

Это положение мы будем учитывать, обращаясь к деконструкции как стратегии анализа текста.

Книгу Чеслава Милоша «Придормная собачонка» предваряет эпиграф, который даёт нам первое направление рассуждений – разум и сознание как концепты: «*Cogito, sum: certum est gua impossibile. Думаю, я существую, это точно, поскольку невозможно*», – так Лев Шестов исправил «*Cogito ergo sum*» Декарта, о чём сообщает Бенжамен Фондан в книге о своих беседах с Шестовым», – замечает автор (с. 5). Эта мысль, помещённая в заголовке всего сочинения и являющаяся как бы авторским указанием, намечает характер темы и её развития «Высокомерный, презрительный, строгий мыслитель» Шестов, по определению автора книги, близок ему. Как и Шестов, Чеслав Милош принимает «серьёзное призвание» – непрестанно стремиться к трансценденции,

⁵ CULLER, J. *On deconstruction. Theory and criticism after structuralism*. Ithaca; New York, 1982, p. 180–184.

⁶ БРОДСКИЙ, И. *Труды и дни*. Ред.-сост. Петр Вайль и Лев Лосев. Москва, 1998, с. 245.

не принимая вещи как они есть, без утешений спокойной ясности». Он пишет: «Бог Шестова, загадочный, смеющийся над людскими ожиданиями, требует благочестивого отношения, несмотря на то, а может быть, именно потому, что он хранит молчание относительно спасения благочестивого человека от Погибели»⁷. Шестовское разрушение декартовского *ego cogito* антропологии привлекает Милоша. Эта антропология предполагала, что субъект является и началом, и причиной мышления. Ее смыслом было совпадение того, кто мыслит, и того, что мыслится. При помощи «естественного света разума», правильно применяя его, человек способен актуализировать в себе понимание того, что такое бытие, мышление, знание, незнание, истина и т. д. Однако Лев Шестов исходит из изначальной, глубинной трагичности человеческой экзистенции. Он критикует рационализм за оправдание и узаконивание страдания. Согласно Шестову, наука, воплощающая разум, ограничивает человеческую свободу и творчество тем, что рационализирует истину и знание. (Ср. замечание Жюль Делеза и Феликса Гваттари о «новом идиоте», который хочет сделать высшим могуществом мысли абсурд, т. е. творчество. Ссылаясь на Достоевского и Шестова, они видят в мире желание вернуть «погибшее, не поддающееся пониманию, абсурдное» как новое содержание концепта разум. Обновление концепта возможно в России, однако: «Декарт, попав в Россию, сходит с ума...»⁸.) В интервью Чеслава Милоша Иосифу Бродскому есть мысль об отношении Шестова к Достоевскому. Досто-

евский, который со всеми своими устремлениями и целями, считается защитником добра, христианских ценностей и т. д., при более внимательном чтении оставляет ощущение, что, возможно, у зла никогда не было лучшего защитника, лучшего адвоката. «Суть в том, что Достоевский следовал классическим традициям, придерживаясь принципов справедливого суда. Иными словами, перед тем как высказаться в пользу добра, он предоставлял злу, как его оппоненту, возможность исчерпать все свои аргументы»⁹. Философские проекты Шестова, основанные на метафизических открытиях мгновений, «когда разум отказывает в своих услугах», «только наедине с собой, под покровом тайны индивидуального бытия... вспыхивают последние истины», близки Чеславу Милошу. Свидетелем этой интеллектуальной близости является вступительная статья Чеслава Милоша к книге Льва Шестова¹⁰. Чеслав Милош определяет роль Льва Шестова в философии как «enfant terrible» и считает, что это гарантия того, что «его еще будут открывать вновь и вновь».

Можно предположить, что это открытие продолжается в новейшее время. Постмодернизм продолжает сомневаться в полной прозрачности субъекта. Субъект деформируется, его монолитность расшатывается. Допускается мысль о том, что самосознание и самоощущение субъекта невозможны, а субъект неравен себе. В постмодернизме провозглашена идея радикальной децентрации индивидуального и коллективного Я. Чеслав Милош в эссе «Достаточно ли сознания» так же замечает, что субъект

⁷ БРОДСКИЙ, сноска 6.

⁸ ДЕЛЕЗ, Ж.; ГВАТТАРИ, Ф. *Что такое философия?* Москва; Санкт-Петербург, 1998, с. 82.

⁹ Последний поэт XX века. Интервью Чеслава Милоша Иосифу Бродскому. In *Независимая газета*, 12.07.2001.

¹⁰ ШЕСТОВ, Л. *Киркегор и экзистенциальная философия*. Москва, 1992.

неравен сознанию: «<К>огда-то мне казалось, что достаточно одного сознания, чтобы избежать повторения, то есть той же судьбы, что и у других смертных» (с. 17). Жанр эссе для Милоша – это возможность рассуждать о многозначности мира, множественности форм поисков истины: «Но само отделение сознания от тела, признание его колдовской мощи – довольно *знать*, чтобы заморозить, – не так уж глупо» (с. 17). В эссе «Бесконтрольность» Чеслав Милош замечает: «Ему не удавалось контролировать свои мысли. Они блуждали, где хотели, и, следя за ними, он испытывал страх» (с. 10). Не чужды мыслителю сомнения в силе разума: «<Н>евелики мои знания, разум короток» (с. 8). Или: «Разум, где ты, мой разум, как бы мне хотелось, чтобы меня когда-нибудь назвали человеком разумным» (с. 167).

Чеслав Милош в одном из последних эссе под названием «Внутри и снаружи» рассуждает о сущности человека через представление о рациональном животном. Он говорит о Джонатане Свифте как о человеке, который решил отправиться «наружу» («Так или иначе, мы находимся внутри, но в иной ситуации, чем кроты, поскольку обладаем сознанием, а оно может перенести нас наружу»). Свифт сделал открытие: «Ведь остров философствующих коней – это была *outoros*, утопия, символ нашего раздвоения на там и здесь, на внутри и снаружи, или, если угодно, на брренное тело и парящий над ним разум» (с. 328). Таким образом, для Милоша человеческая сущность связана с двумя сторонами субъективности – рациональностью как свойством разума и анимальностью как свойством тела. Причиной

сложности, богатства, многообразия земного мира является его противоречивость. «Разум не был бы так притягателен, не будь всего того, что напоминает о его неразрывной связи с материей: скотобоев, больниц, кладбищ, порнофильмов. И наоборот: физиологические потребности угнетали бы своей животной тупостью, если бы не играющий над ними разум» (с. 18). Вместе с тем существует надежда на волшебную формулу, «в которой заключена вся правда существования». Возможен прорыв к истине, она рядом, за тонкой преградой, которую никогда не удастся преодолеть: «Проснувшись среди ночи, он чувствовал, что прорывается к ней сквозь тонкую преграду, но, обессилев от напряжения, засыпал» (с. 21). Эта одержимость возможностью невозможного подтверждается открытием Ницше о том, что «я» определяется синтезом сознания. Как известно, одним из идеологов децентрации субъекта и сознания был Фридрих Ницше. Он первым заговорил о свободе предиката «мыслить» от субъекта «я». Он отметил, что «мысль приходит, когда она хочет, а не когда я хочу»¹¹. (Ср. «<К>ак сумел внушить нам Ницше, мысль – это творчество, а не воля к истине»¹².) Согласно Ницше, истина есть не что иное, как модифицированная, скрытая метафора. Он определяет метафору посредством близости контекстов, но любое сближение есть «уравнивание неравного». Он спрашивает: «Что же, таким образом, представляет собой истина? – марширующая армия метафор... и антропоморфизмов; ...истины есть иллюзии, которые забыли о своей иллюзорной природе»¹³. Ницше считает, что любое обозначение содержит в

¹¹ NYČĚ, F. *Rinkiniai raštai*. Vilnius, 1991, p. 331.

¹² ДЕЛЕЗ; ГВАТТАРИ, сноска 8, с. 73.

¹³ NIETSCHE, F. *The Genealogy of morals*. New York, 1979, p. 374.

себе насилие над объектом обозначения, «всякий раз, когда нечто делается целенаправленно, результатом этого действия будет фундаментальное отличие от предполагаемого эффекта»¹⁴. Подобная интуиция известна и Чеславу Милошу. Он понимает, что не существует ничего, кроме множества индивидуальных, не связанных друг с другом впечатлений и образов. Надежда осознать истину разумом и индивидуально не оправдалась. В результате все оказалось «не то». «Читаешь дневники, воспоминания, репортажи, романы, стихи – всегда с надеждой и всегда с одним и тем же результатом: не то» (с. 11). Человек, который «считался чем-то вроде замка или крепости, откуда совершались вылазки в мир», децентрирован, его «разум короток». Жак Деррида, объясняя ницшеанское представление трансформации любого объекта перцепции, замечает, что субъективность у Ницше принадлежит не разуму, это абсолютная субъективность тела, его импульсов и аффектов; это абсолютная субъективность воли к власти¹⁵.

Однако пророку европейского нигилизма Фридриху Ницше Чеслав Милош не прощает открытия, что истина непостижима. Милошу неприемлема ницшеанская идея о ложности любой истины «просто потому, что *истинного мира нет*» (с. 43). Ницше открыл новый мир, радикально освободился от старого. Он не оглянулся на то, что оставил в прошлом. После конца разума, мира и света Ницше провозглашает Заратустру. Чеслав Милош предполагает, что современности нужна иная смелость, чем нигилизм. Этот «божественный способ мышления» Милош причисляет к сфере массо-

вой культуры и называет опознавательным знаком заурядных умов. Путь от «привередливых умов» к «заурядным» был проделан, как замечает Милош, за «каких-нибудь пятьдесят лет» (с. 40). (Ср. Замечание Чеслава Милоша о Ф. М. Достоевском: «Ближайшее будущее его ужасало. Следует принимать всерьез, когда он записывает в своих тетрадах: “Все в будущем столетии”»¹⁶.) Выводом по ницшеанскому проекту является мини-эссе Милоша «Хохот», следующее за эссе «Свершилось», посвященное Фридриху Ницше. Автор пишет: «Хохочущим циникам, вбивающим людям в головы, что нет добра и зла, ...можно сказать: “Вы обрекаете себя на победу, и это станет для вас заслуженной карой”» (с. 45). Добро и зло для Милоша не только категории этики, в очень общей форме показывающие мотивации поступков или отношений человека и мира. Исходя из текстов книги «Придорожная собачонка», можно понять добро и зло в представлении Милоша как экзистенциальную категорию, как дуализм бытия. Наши поступки, связывающие нас с другими людьми, всегда имеют определенные последствия. Милош предполагает, что в этом мире ничего не происходит случайно. Человек всегда отвечает за зло, даже совершенное против его воли.

У меня всегда была склонность к манихейству... Если бы манихейство победило, то у нас был бы сейчас другой мир, другая цивилизация. Основное в нем – вопрос о зле, невероятная восприимчивость к страданию, к мировому злу. Я не сказал бы, что был манихеем, вовсе нет, но все же меня влекло в этом направлении из-за того ужасного страдания, которое я видел в этом веке, и той боли, которая меня окружала¹⁷.

¹⁴ NIETSCHE, сноска 13, p. 227.

¹⁵ ДЕРРИДА, Ж. Сила и означение. In ГУРКО, Е. *Деконструкция: тексты и интерпретация*. Минск, 2001, с. 42.

¹⁶ МИЛОШ, Ч. *Достоевский и религиозное воображение Запада*. <http://spintongues.vladivostok.com/milosz.htm>

¹⁷ Последний поэт XX века..., сноска 9.

Так заметил Милош в интервью Иосифу Бродскому. Собеседники приходят к выводу, что понятия о добре и зле все еще функциональны, несмотря на опыт абсурда, которое человечество приобрело. Милош уточняет, что ситуация была предсказана еще Фридрихом Ницше, говорившим о нигилизме, как о характерной особенности европейского человека будущего столетия. Он высказывает мнение, что человек Восточной Европы («мы, в нашей части Европы»), пережив ужасный исторический опыт, привержен неким «основным понятиям о различии добра и зла, истинного и ложного». Этот опыт поможет эмпирически определить многие истины¹⁸. В книге «Придорожная собачонка» Милош рассуждает: «Может быть, истина по своей природе такова, что по поводу нее общение между людьми невозможно, по крайней мере, привычное общение при посредстве слова. Каждый может ее знать про себя, но для того, чтобы вступить в общение с ближними, он должен отречься от истины и принять какую-нибудь условную ложь» (с. 5).

Вместе с тем для Чеслава Милоша человек божественен, а его путь – это освобождение души и торжество Добра. В эссе «Взамен» он размышляет о человеке: «Рядом с ним ходили по земле поистине святые герои, великие своим милосердием, сочувствием и любовью» (с. 20). Но в следующем эссе «На время и напказ» он признается, как трудно художнику постоянно понимать, что любовь к людям, расположение и неприязнь – только дневные чувства, ночь терзает другими мыслями. «Объявить, что они на время и напказ, значило бы обидеть их, но отказаться от мысли, что для настоящей жизни с ними нет времени, он не мог»

(с. 21). Одиночество художника в мире – условие творчества: «Всю жизнь разыгрывать, что он и мой, их мир, / Сгорая от стыда за это шарлатанство» (с. 12). Чеслав Милош определяет это состояние как эгоизм и утешается мыслью, что среди людей его профессии все страдают одним пороком – недостатком человечности. Ограниченность – так определяет мыслитель свое положение в мире: «<П>орой вдруг осознаешь, сколь узко твое воображение, словно слишком толстые кости черепа мешают разуму охватить то, что ему причиталось» (с. 8). Иногда кажется, что разум не подчиняется ему: «Мне следовало бы знать все, что происходит сейчас в каждой точке земли, уметь постигать мысли и своих современников, и людей на несколько поколений моложе, а также тех, кто жил и две, и восемь тысяч лет назад» (с. 8). Вывод из подобных размышлений таков: «Следовало бы, ну и что» (с. 8).

Чеслав Милош все же признает, что человек XX века все еще одержим идеей декартовского *cogito*. Он ищет «единую для всех нас одинаково видимую каждому человеку истину вещей» (с. 9). Однако эти поиски становятся для него тяжелым искушением и испытанием. Трудно принять фрагментарность и децентрацию разума нашему сознанию: «Нет, я, подобно моралистам семнадцатого века, предпочитаю видеть во всем этом несовершенство разума, побежденного порывами и страстями» (с. 167). Поэт ищет среди метаисторий современности остров стабильности и находит его – в *mindfulness* (с. 19). В его понимании – это внимательное отношение к настоящему, существующему сейчас, а не тому, что было или будет. «Прошлое *неточно*. Кто долго

¹⁸ Последний поэт XX века..., сноска 9.

живет, тот знает, как сильно то, что он видел собственными глазами, обрастает сплетнями, легендами, славославиями или хулой» (с. 60), – размышляет писатель. Здесь следует вспомнить замечание Жака Деррида о значении, направленном против противоречий логоцентризма. Деррида предполагает, что значение не есть объективная форма, структура, феномен, «значение присутствует для индивида в жизни мира в форме настоящего»¹⁹. Оба мыслителя видят в настоящем возможность «излечиться от недугов памяти» (Чеслав Милош) и освободиться от «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма» (Жак Деррида). Согласно постструктурализму, только современность в некой мере стирает различие между реальностью и ее представлением. Личность не может быть монолитной, чувство идентичности потеряно, а субъект расколот на множество репрезентирующих его образов и ролей. Субъект творится через Другого. Отношения с Другим рожают диалог²⁰. Чеслав Милош вспоминает об одном замечании в свой адрес: «Кеннет Рексрот, прислушиваясь к нашим беседам, как-то заметил: “Вы не умеете разговаривать. Это какой-то обмен монологами”» (с. 114). Монологичность сознания как черта уроженцев Восточной Европы тревожит Милоша. Он замечает, что в этом качестве сознания скрещивается личностная и родовая линия. Однако вопрос о том, влияние ли это личностное или культурное, постоянно остается («Это я? Или культура в которой я вырос?»).

В книге «Придорожная собачонка», как и во многих других своих произведениях,

Чеслав Милош высказывает несколько, иногда взаимоисключающих, точек зрения. Эта манера Достоевского, Ницше, особенно Льва Шестова. Он отказывается от иллюзии понять, как «оно было на самом деле». Логика в представлении Милоша «становится», а не обнаруживается. У смысла не может быть единого определения, он по природе парадоксален. Согласно Ж. Делезу, «смысл упорно держится одной из серий (серии предложений): он – то, что выражается в предложениях, но не сливается с предложениями, которые выражают его... Вот почему смысл как таковой – это объект фундаментальных парадоксов, повторяющих фигуры нонсенса»²¹. Смысл можно определить как многомерное ментальное образование. В нем выделяются несколько составляющих – слоев, измерений. Образную составляющую смысла фиксируют метафоры, поддерживающие его в языковом сознании. Делез и Гваттари обращаются к неожиданной метафоре, определяя мысль как пса – скалящегося, скрипящего зубами, издающего нечленораздельные звуки. «Мысль ищет – но не как человек, обладающий методом поиска, а скорее как пес, который на внешний взгляд беспорядочно мечется из стороны в сторону... Не стоит бахвалиться подобным образом мысли: в нем много бесславных страданий, и он показывает, насколько труднее сделалось мыслить: такова имманентность»²², – пишут философы. Милош объясняет название книги «Придорожная собачонка» уже в первом эссе: «Было начало столетия; теперь оно подходит к концу. Я думал не только о людях, которые там жили, но и о поко-

¹⁹ ДЕРРИДА, сноска 15, с. 42.

²⁰ SARUP, M. *An Introductory Guide to Post-Strukturalism and Postmodernism*. New York, 1988.

²¹ ДЕЛЕЗ, Ж. *Логика смысла*; ФУКО, Мишель. *Theatrum philosophicum*. Москва; Екатеринбург, 1998, с. 18.

²² ДЕЛЕЗ; ГВАТТАРИ, сноска 8, с. 73.

лениях собачонок, участвовавших в повседневной жизненной суете, и однажды, непонятно откуда, – вероятно, в предутреннем сне, возникло это смешное и ласковое название: “Придорожная собачонка”» (с. 7). Примем метафорическую концепцию мысли постструктурализма. Парадоксы Милоша в видении разума подтверждают, что мысль не соотносится с миром простым и неизменным способом.

Делез и Гваттари, рассуждая о *cogito* Декарта, вводят особый персонаж – славянина. Славянин, частный мыслитель, более близок к Иову, чем к Сократу, он хочет, «чтобы ему дали отчет о «каждой жертве Истории», он никогда не согласится принять истины Истории»²³. (Ср. В «Порабошенном разуме» о судьбах своих друзей-писателей Милош пишет: «Проследивая эволюцию моих друзей-католиков, я имел возможность заметить, что от их христианской метафизики постепенно остается только фразеология, тогда как подлинным содержанием становится Метод (Бог превращается в Историю)... Это, несомненно, нечто новое и особенное, принесенное двадцатым веком»²⁴.)

Чеслав Милош – мыслитель славянского происхождения. Можно ли говорить о природе его рефлексии разума в эссе «Придорожная собачонка», как определенной славянством? Как Лев Шестов обнаруживает у Ф. М. Достоевского зачатки новой

оппозиции между частным мыслителем и публичным профессором, так и в книге Милоша парадоксы можно попытаться объяснить противоречиями славянского интуитивизма и европейского рационализма. Милош отказывается от «школьных» концептов (*cogito ergo sum*). Он формирует собственное представление о разуме, отсылает к различным философским теориям, сам участвует в творчестве концепта. Скорее следует задаться вопросом Делеза и Гваттари: «Что такое Отчизна или Родина, к которым обращается мыслитель, философ или художник?»²⁵. Ответ на этот вопрос может быть темой новых исследований. Чеслав Милош в эссе «Лабиринт» отвечает на него так: « – Ну конечно, – сказал я, – ведь я вырос в провинции, там, где в сельском деревянном костеле молились Божеству с человеческим телом, а вырезанные из липовой древесины Солнце и Месяц состояли в божественной свите. Целиком принадлежа еще тому миру, я простодушно слагал гимны и оды, пользуясь разумом как пером и бумагой, не стараясь воздавать ему особые почести» (с. 84). Деконструкция книги «Придорожная собачонка» Чеслава Милоша приводит к выводу, что мыслитель более близок к Святому Августину, чем Декарту. «Я ошибаюсь, следовательно, существую» – эта великая формула Августина обнаруживала возможность существования и в XX веке.

²³ ДЕЛЕЗ; ГВАТТАРИ, сноска 8, с. 82.

²⁴ МИЛОШ, сноска 3.

²⁵ ДЕЛЕЗ; ГВАТТАРИ, сноска 8, с. 90.

Asija Kovtun

Vytautas Magnus University

The Centre of Slavic Languages

**CZESŁAW MIŁOŚZ ABOUT REASON IN THE
ESSAY "PIESEK PRZYDROŻNY" ("SNOOPY
DOGGY")**

Summary

The article considers the concept of reason in the essay "Piesek przydrożny" (1998) written by the Nobel Prize winner Czesław Miłosz from the poststructuralist perspective of deanthropologisation and decentration of the subject. The strategy of the text analysis used is deconstruction. Miłosz speaks about the destruction of the ego cogito in anthro-

pology. He accepts the Nietzschean idea of the metaphoricity of the truth, of the impossibility to perceive the truth by reason and individually. Yet, he does not accept nihilism attributing it to the sphere of mass culture.

The author of the article comes to the following conclusion: Miłosz acknowledges that the man of the 20th century is dependent on Cartesian cogito. The thinker himself, however, in "Piesek przydrożny" is closer to St. Augustine than to Descartes.

KEY WORDS: deconstruction, decentration, reason, subject, nihilism, concept, consciousness, thought.

Gauta 2005 12 24

Priimta publikuoti 2006 01 11